

Держи марку!

9000 лет назад

Флотилии мертвецов дрейфуют
в подводных реках.

Мало кому известно о них. Хотя в теории все очень просто.

То есть море, если так подумать, — всего лишь очень влажный воздух. А воздух, как известно, чем ниже спускаешься — тем плотнее, и чем выше взлетаешь — тем реже. И когда подхваченный бурей корабль разбивается и идет ко дну, рано или поздно он достигает той глубины, где вода становится достаточно вязкой, чтобы остановить падение.

В общем, он прекращает тонуть и плывет по подводной глади, глубоко под бушующими штормами и высоко над океанским дном.

Там царит спокойствие. Мертвенное спокойствие.

На некоторых затонувших кораблях еще есть такелаж. На некоторых даже паруса. На многих остались моряки, запутавшиеся в такелаже или привязанные к штурвалу.

Но плавание продолжается — без цели, без места назначения, — потому что подводные океанские течения носят мертвые корабли со скелетами моряков по свету. Они дрейфуют над затонувшими городами, между ушедшими под воду горами, пока гниение и дровоточцы не изъедят их до основания и они не прекратят существовать.

Иногда во тьму и ледяную безмятежность глубоководной равнины падает якорь и нарушает вековую неподвижность, вздымая облако ила.

Один такой якорь чуть не задел Ангхаммарада, который сидел и смотрел на корабли, проплывавшие высоко над его головой.

Он запомнил, потому что это было единственным интересным происшествием за последние девять тысяч лет.

Месяц назад

Эта... зараза, косящая семафорщиков.

Она была сродни тропической лихорадке, которой моряки заболели после долгих недель штиля под палящим солнцем — когда им начинало мерещиться, что их корабль окружен зелеными полями и они шагали за борт.

Семафорщикам иногда начинало казаться, что они умеют летать.

От одной клик-башни до другой было около восьми миль, и стоя на самом верху, вы находились в полутора футах от земли. Говорили, что, если пробыть там слишком долго без головного убора, ваша башня станет выше, а соседняя — ближе, и человеку начинало казаться, что он мог бы даже допрыгнуть туда или прокатиться на невидимых посланиях, скользящих между башнями, — а может, у него возникала мысль, что *он и есть* послание. А некоторые считали, что это было обычное повреждение мозга, вызванное шумом ветра в арматуре. Точно никто не знал. Люди, которые шагают в воздух на высоте ста пятидесяти футов от земли, нечасто имеют возможность обсудить это впоследствии.

Клик-башня слегка покачивалась на ветру, но это было нормально. В *этой* башне было много разных новых штук. Она использовала ветер для работы своих механизмов, она гнулась, но не ломалась, и была скорее похожа на дерево, нежели на крепость. Ее можно было всю собрать на земле и потом возвести на нужном месте в течение часа. Она была образцом изящества и красоты. И могла отправлять клики до четырех раз быстрее, чем старые башни, благодаря новой системе заслонок и цветных огней.

По крайней мере, сможет, когда удастся решить небольшие технические вопросы...

Держи марку!

Молодой человек проворно взбирался на самый верх башни. Из липкого серого марева он вылез на ослепительный солнечный свет, а утренний туман у него под ногами простирался до самого горизонта, как море.

Пейзаж мало интересовал юношу. Он никогда не мечтал о полетах. Он мечтал о механизмах и изобретениях, которые будут работать лучше, чем все, что существовало до них.

А сейчас он хотел разобраться, из-за чего новые заслонки *опять* заело. Он смазал задвижки, проверил натяжение проводов, а потом высунулся еще дальше, навстречу холодному воздуху, чтобы проверить сами заслонки. Делать так было нельзя, но любой семафорщик знает, что это единственный способ починить неисправность. Да и потом, это совершенно безопасно, если...

Что-то звякнуло. Он обернулся и увидел, что карабин его страховочного троса лежит на полу, увидел тень, ощутил пронзительную боль в пальцах, услышал крик и упал...

...якорем вниз.

Глава первая

АНГЕЛ

В которой герой получает величайший дар: Надежду — Сочувственный сэндвич с беконом — Неутешительные размышления палача о тяжких наказаниях — Славные последние слова — Наш герой умирает — Ангелы и рассуждения об оных — Избегайте неуместных предложений, в которых фигурируют метлы — Неожиданная поездка — Мир без честных людей — Прыг-скок — Выбор есть всегда

Бытует мнение, что перспектива быть наутро повешенным необычайно помогает человеку собраться с мыслями. К сожалению, собравшись, они неизбежно сосредотачиваются на том, что голова, в которой они собрались, наутро окажется в петле.

Человека, который должен был оказаться в петле, при рождении недалёковидные, но любящие родители нарекли Мокрицем фон Липвигом, и он не собирался очернять это имя (хотя, казалось бы, куда уж дальше), будучи под ним повешенным. В миру вообще и в приказе о смертном приговоре в частности он значился Альбертом Стекляром.

К ситуации он подошел с самой оптимистической стороны и, собравшись с мыслями, думал о том, как бы в петле *не* оказаться и, в частности, как бы при помощи ложки соскрести крошащийся цемент вокруг камня в стене его камеры. Он корпел над этим уже пять недель, и ложка теперь больше походила на пилку для ногтей. На его счастье, тюремщики ни разу не меняли ему постель — иначе они обнаружили бы в камере самый тяжелый на свете матрац.

Все внимание Мокрица было сосредоточено на увесистом булыжнике и на пригвожденной к нему железной скобе — для крепления кандалов, в частности.

Мокриц уселся лицом к стене, уперся в нее ногами, обеими руками ухватился за железное кольцо и потянул.

Его плечи вспыхнули огнем, перед глазами поплыл алый туман, но камень сдвинулся и пополз, почему-то слабо позвякивая. Мокрицу удалось высвободить камень из стены, и он заглянул в дыру.

На том конце крепко сидел еще один камень, и цемент вокруг него выглядел подозрительно прочным и свежим.

Прямо у стенки лежала новая ложка. Лежала и сверкала.

Мокриц так и стоял, уставившись на нее, пока не услышал из-за спины хлопки. Он обернулся, и его натянутые жилы так и взвыли от боли. Через решетку камеры за ним наблюдали тюремщики.

— Отличная работа, господин Стеклярс! — воскликнул один из них. — Рон теперь должен мне пять долларов! А я говорил ему, что ты упрямый! Говорил я?

— Твоих рук дело, Вилкинсон? — обессиленно спросил Мокриц, глядя на отражение света в ложке.

— О нет, куда мне. Приказ лорда Витинари. Он считает, что всем смертникам нужно предоставлять перспективу свободы.

— Свободы? Да тут же камень опять, черт подери!

— Да, все так, тут ты прав, все так, — согласился тюремщик. — Так ведь речь-то только о *перспективе*, вот оно что. А не о настоящей свободе, когда ты *на свободе*. Хе-хе, это было бы глупо с нашей стороны, да?

— Ну, видимо, да, — сказал Мокриц. И не добавил: «Скотины вы этакие». Минувшие полтора месяца тюремщики обращались с ним очень даже по-божески, и вообще он всегда предпочитал находить с людьми общий язык. Это ему очень, очень хорошо удавалось. Навыки общения были важной частью его арсенала — практически составляли этот арсенал целиком.

К тому же у тюремщиков были большие дубинки. Поэтому Мокриц осторожно добавил:

— Кто-то мог бы сказать, что это жестоко, Вилкинсон.

— Да, мы тоже так подумали, но Витинари сказал, что нет, мы не правы. Он сказал, это... — он наморщил лоб, — труда-ти-рапия, физзарядка, и вообще, не дает затосковать и дарует величайшее из всех сокровищ, каковое есть Надежда.

— Надежда, — проворчал Мокриц.

— Ты не расстроился, а, господин Стеклярс?

— Расстроился? Я? С чего бы, Вилкинсон?

— Да вот, твой предшественник ухитрился вылезти в эту трубу. Такой маленький был. И юркий.

Мокриц глянул на небольшую решетку в полу. Этот вариант он отбросил сразу.

— Труба хоть ведет к реке? — спросил он.

Тюремщик ухмыльнулся.

— Все так думают. *Как* он был *огорчен*, когда мы его выловили. Приятно видеть, что ты уловил суть, господин Стеклярс. Нам всем с тебя только пример можно брать. Как ты все это провернул! Песок в матрац? Как умно, как аккуратно. Как *опрятно*. Нам было в радость наблюдать за тобой. Кстати, жена моя сердечно благодарит за корзину с фруктами. Такая солидная корзина. Даже кумкваты есть!

— Не за что, Вилкинсон.

— Смотритель, правда, чуток обиделся из-за кумкватов, у него-то были одни финики, а я так и сказал ему, что фруктовая корзина — она как жизнь: никогда не знаешь, что попадет. Он тоже передает спасибо.

— Рад, что ему понравилось, Вилкинсон, — ответил Мокриц рассеянно. Несколько его бывших квартирных хозяек приносили гостинцы «бедному, сбившемуся с пути мальчику», а Мокриц всегда делал ставку на щедрость. В конце концов, в его профессии все держалось на стиле.

— И вот еще что, — сказал Вилкинсон. — Мы тут с ребятами подумали, вдруг ты все-таки решился облегчить душу на предмет адреса того самого места, где расположено местонахождение, где, чтобы не ходить вокруг да около, ты спрятал деньги?..

В тюрьме стало тихо. Даже тараканы прислушались.

— Нет, на это я пойти не могу, Вилкинсон, — громко ответил Мокриц, театрально выдержав паузу. Он похлопал себя по карману сюртука, поднял вверх палец и подмигнул.

Тюремщики усмехнулись в ответ.

— Прекрасно тебя понимаем. А сейчас я бы на твоём месте отдохнул, потому что тебя повесят через полчаса, — сказал Вилкинсон.

— Эй, а завтрак мне не положен?

— Завтрак только после семи, — отозвался тюремщик с сожалением. — Но знаешь, я сделаю тебе сэндвич с беконом. Только ради тебя, господин Стеклярс.

До рассвета оставались считанные минуты, когда его провели по небольшому коридору в каморку под эшафотом. Мокриц заметил, что наблюдает за собой как бы со стороны, словно он уже частично покинул свое тело и парил, как воздушный шарик, который только и ждет, чтобы оторваться от нитки.

В каморку через щели помоста у него над головой и вокруг дверцы люка, ведущего на эшафот, просачивался свет. Человек в капюшоне усердно смазывал петли означенного люка.

Когда в каморку вошли, он прервался.

— Доброе утро, господин Стеклярс! — он учтиво снял капюшон. — Это я, господин, Даниэль «И-Раз» Трупер. Я твой палач на сегодня. Не волнуйся, я вздернул уже не один десяток человек. Мы быстро со всем разберемся.

— Скажи мне, Даниэль, правда ли, что, если человека не повесят с трех попыток, ему дается помилование? — поинтересовался Мокриц, пока палач тщательно вытирал руки тряпкой.

— Слышал я о таком, слышал... Но меня, знаешь, тоже не просто так прозвали «И-Раз». Желает ли господин черный мешок на голову?

— А это поможет?

— Кто-то считает, что так будет выглядеть презентабельнее. И потом, не видно, как глаза выкатываются из орбит. Короче, это скорее для публики. Сегодня, кстати, весьма многочисленной. Неплохую про тебя тиснули статейку в «Правде». Писали, какой ты хороший человек, и все такое. Кхм... не изволишь подписать веревку перед повешением? В том смысле, что *после* уже вряд ли получится.

— *Подписать веревку?* — удивился Мокриц.

— Ага, — отвечал палач. — Это как бы традиция. Люди покупают использованные веревки. Коллекционеры узкого профиля, так сказать. Странновато, конечно, но чего только не бывает, да? А с автографом, понятное дело, стоит дороже, — он расчеркнул пальцем в воздухе по всей длине веревки. — У меня и специальное перо есть, которое пишет на веревке. По автографу на каждые пару дюймов, ладно? Только подпись. Никаких эпиграмм. А мне денежка. Буду премного благодарен.

— Может, в знак благодарности не будешь меня вешать? — спросил Мокриц и взял у него перо.

Все откликнулись на это одобрительным смешком. Трупер наблюдал, как Мокриц выводит автографы на веревке, и радостно кивал.

— Замечательно, это фактически мой пенсионный фонд у тебя в руках. Итак... все готовы?

— Я не готов! — быстро ответил Мокриц, к всеобщей радости.

— Ты такой забавный, господин Стеклярс, — сказал Вилкинсон. — Без тебя тут будет совсем не так, честное слово.

— Для меня-то уж точно, — заметил Мокриц, что снова было расценено как тонкая острога. Он вздохнул. — Скажи, Трупер, ты и впрямь считаешь, что такие меры предотвращают преступления?

— Ну, в общем и целом, я бы сказал, сложно судить однозначно, ведь непросто обнаружить доказательства еще не совершенного преступления, — ответил Трупер, в последний раз дернув дверцу люка. — Но *в частном и конкретном*, я бы сказал, чрезвычайно действенно.

— И что это значит?

— Да то, господин, что я еще никогда не видал, чтобы сюда возвращались дважды. Приступим?

Они поднялись наверх, под прохладное утреннее небо, и толпа зашевелилась: раздались улюлюканья и даже редкие аплодисменты. Люди странные существа. Укради мешок капусты — и тебя посадят в тюрьму. Укради тысячи долларов — и тебя посадят на трон или провозгласят героем.

Мокриц смотрел прямо перед собой, пока со свитка зачитывали список его преступлений. Он не мог отделаться от мысли, как все это было *нечестно*. Он в жизни руки ни на кого не поднял. Он даже дверей никогда не ломал. Ему *случалось* отпирать их отмычкой — но он всегда закрывал за собой. Не считая всех этих банкротств, конфискаций и непредвиденных разорений, что он сделал настолько *дурного*? Он просто манипулировал цифрами, и только-то.

— Какая толпа собралась. — Трупер перекинул веревку через перекладину и завозился с узлами. — Сколько журналистов. «Новости с эшафота», конечно, куда без них, «Правда», «Псев-

дополис Геральд» — это, наверное, из-за банка, который там у них прогорел, а еще вроде приехал журналист из «Биржевика равнины Сто». У них очень хороша финансовая рубрика — я там слежу за ценами на веревки б/у. Видать, многие хотят посмотреть на твою смерть.

Мокриц заметил, как к хвосту толпы подкатила карета. Непосвященному могло показаться, что на ее дверцах не было герба, — тут нужно было знать, что герб лорда Витинари представлял собой изображение черного щита. На черном фоне. Приходилось признать: у негодая был стиль...

— А? Что? — спросил Мокриц, почувствовав легкий толчок локтем.

— Я спросил, не желаешь ли ты произнести последнее слово, — повторил палач. — Так заведено. Есть у тебя что на уме?

— Я вообще-то не собирался умирать, — сказал Мокриц. И это была правда. Действительно, не собирался. Даже сейчас. Он был уверен, что *как-нибудь* все образуется.

— Хорошо сказано, — одобрил Вилкинсон. — У тебя все?

Мокриц прищурился. Занавеска в окне кареты дернулась. Дверца распахнулась. Величайшее из всех сокровищ — Надежда слабо замаячила перед ним.

— Да нет же, это не было мое *последнее* слово, — сказал он. — Э-э-э... дайте подумать...

Из кареты вышел худощавый человек секретарского вида.

— М-м-м... я не делал ничего... э... такого уж страшного...

Ага, все становится на свои места. Витинари просто решил припугнуть его. Это было бы вполне в его духе, исходя из того, что Мокриц о нем слышал. Сейчас будет помилование!

— Я... пф... это...

Там, внизу, секретарь с трудом протискивался через людскую массу.

— Ты не мог бы немного ускориться, господин Стеклярс? — попросил палач. — Перед смертью не надышишься.

— Я собираюсь с мыслями, — высокопарно заявил Мокриц, не спуская глаз с секретаря, который как раз обогнул крупного тролля.

— Надо же и честь знать, — заметил Вилкинсон, недовольный таким нарушением этикета. — А то так можно, э, м-м-м, кхм, и *на*